

ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА В ПОВЕСТИ «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

В Крыму И. С. Шмелев прожил четыре года — с 1918 по 1922. Здесь, в Алуште, он создает одно из своих замечательных произведений — повесть «Неупиваемая Чаша». Прекрасная печальная напевность повести, созданной в горестное для России время, — это стремление противопоставить кровавому хаосу гражданской войны, возникшему словно в страшном сне, знакомый и близкий русскому человеку мир христианского благочестия, трагической разобщенности нынешнего общества — соборное единение православного народа перед Ликом Божиим. Русский ученый А. А. Ухтомский писал: «Подчас именно среди боления и тяжкого труда находим мы впервые червонное золото, которым живем и питаемся всю последующую жизнь»^{*1}. Мир в «Неупиваемой Чаше» оказывается не просто местом обитания людей, но, прежде всего, местом борьбы плотского и духовного миров, «трада земного» и «града Божия» за человеческую душу. Главный герой повести — крепостной художник Илья Шаронов — живет «двойной жизнью»: униженный во внешнем существовании положением холопа при барине, он обретает свободу и полноту счастья в живописи, которая раскрывает миру богатство его души и сердца. Автор не ставит перед собой цель обратить внимание читателя на социальное положение главного героя, и то, что он изображен крепостным, необходимо, в первую очередь, для выражения *внешней несвободы* человека, показа противостояния духа и плоти. Верующий человек, по мнению Шмелева, не может ощущать себя пленником мира, даже неся на себе его бремя, поскольку в своем сердце он несет иную действительность — любовь божественную. Нас

интересует христианский этический подтекст выбора Ильей *благодатного пути* таким же, как он, простым людям: *«Если я тайно уйду от барина, как могу я воротиться на родину и послужить своему народу? Скитаться мне тогда как бродяге. Я на дело послан барином: обучусь — распишу церковь. Вот и послужу родному месту»**².

Само имя в шмелевской прозе имеет повышенную значимость в сравнении с другими деталями: оно во многом служит ключом к пониманию повествования, играя роль некоей предпосылки, существующей в сознании и проявляющейся в определенной смысловой парадигме. Имя здесь не просто деталь, но сам образ, его основа. О. Сергей Булгаков, подробно исследовавший философию христианского имени, писал: *«Имя есть сила, корень индивидуального бытия, по отношению к которому носителем, землею или почвой, является именуемый, и для него наименование имеет поэтому фатальный, определяющий характер. [...] Имя при всей его конкретности есть некоторая живая энергия, которая, как и все живое, ощутима внутренней интуицией и может быть лишь выявляема, рассказываема, чувствуема созерцающим»**³. Человек является носителем имени своего святого покровителя. А в русском популярном религиозном сознании получение имени приобщает человека к определенному этическому поведению, воплощаемому этим святым. Одна из функций мифологического образа Ильи-пророка — змеборческая (та же, что и у святого Георгия). Огненные стрелы Ильи направлены, прежде всего, против нечистой силы, и потому Илья Шаронов несет на себе как бы охранительные функции по отношению ко всему живому. Это подчеркивает и то, что Илья — имя главного героя-богатыря русского былинного эпоса, известного своей праведностью и благочестием. Во многих народных преданиях мифологизированный образ Ильи Муромца контаминируется с Ильей-пророком, преследующим Змея. А в повести Илья Шаронов расписывает монастырскую стену, изображая святого Георгия, поражающего Змея копьем: *«...младой Георгий на белом коне победно разил поганого Змея в броне, с головой как бы человека. Дивно прекрасен был юный Георгий — не мужеского и не женского лика, а как ангел в образе человека, с бледным ликом и синими глазами-звездами»*. Наиболее распространенная иконография святого Георгия Победоносца называется *Чудо Георгия о Змие и Девице*. В эпизоде росписи монастырской стены мы находим ключ ко всей повести. Упомянув об этом иконографическом сюжете, Шмелев использует в структуре повествования прием, отображающий происходящее с главным героем. Таким образом, в произведении есть символический второй план, который дает понимание ко всему тексту. Шмелев не ограни-

чивается лишь констатацией соименности героя «Неупиваемой Чаши» христианскому святому и богатырю народных сказаний. *Кисть* крепостного художника, которой он создает Святые образы, есть своеобразный аналог разящего нечистую силу *копья* святого, то есть в образе Ильи Шаронова изначально заявлен мотив преодоления зла.

В традициях православных христиан было в Ильин день устраивать «братчину» или «мольбу», — коллективную трапезу для жителей нескольких сел. Как и у многих других народов, у славян застолье обставлялось как своеобразный *ритуал*, утверждающий единство его членов перед лицом высших сил. Совместная еда и питье устанавливали между людьми отношения *особой близости*: участники трапезы словно принимали на себя обет *любви к ближнему*. По сути, ветхозаветный святой становится объединяющим началом. А в повести *источником соборного единения* становится написанная Ильей икона Неупиваемая Чаша: «Возликовала Высоко-Владычня обитель, и пошла молва по всей округе, и стали неистощимо притекать к Неупиваемой Чаше, многое множество: в болезнях, в скорбях, в унынии и печали, в обидах ищущие утешения. И многие обрели его. [...] Год от году притекал к Неупиваемой Чаше народ — год от году больше».

Во многих преданиях Илье-пророку приписывалось создание родников и ручьев, не замерзающих зимой. По поверью, они возникли от удара копыта его коня. Илья Шаронов своей кистью создает творения, воплотившие в себе откровение Божье, ставшие неиссякаемым источником Божьей милости. В то же время мы видим в нем стремление к единству со всем христианским миром, совершенно особое смирение (а не возвышение над другими из-за осознания своей избранности), вытекающее из силы духа, а не из слабости, о чем свидетельствует его имя — Илья — «исполненный Божьей силой».

Для выражения доминантной идеи произведения важную роль играет проблема *благословения*: «Прощался Илья со всеми. И на пруду посидел, и с лошадьми попрощался. [...] У отца попросил благословения и со слезами простился: тяжело больной другой месяц лежал маляр Терешка — никогда раньше не видал Илья, как отец плачет: всегда смеялся. И Спиридошке-повару поклонился в ноги, благодарил за ласку. [...] Сбежал и в монастырь Илья: обернул за ночь. Горячо помолился с утрени... А как бежал обратно лесной дорогой — простился с лесом. [...] И будто слышал Илья, как говорит ему лес: *воротисься*». Особо примечательным здесь является то, что на обучение живописи в чужих краях Илью Шаронова благословляет не только отец, но и все близкие ему люди и даже природа, являющие собой часть христианского мира.

Поэтому этот эпизод шмелевской повести также следует рассматривать как *проявление соборного начала*. В христианской нравственной традиции благословение есть благоволение, которое через родителей или духовных лиц нисходит *непосредственно от Бога*. Зачастую благословение Божье Илья Шаронов получает во сне или видениях, что берет свое начало в житиях святых: *«Так хорошо было, что переполнилось сердце, и заплакал Илья от радости. Стал на колени в траве и помолился по-утреннему, как знал: учила его скотница Агафья. А когда кончил молитву, услышал тихий голос: «Илья!» И увидал белое видение, как мыльная пена или крутящаяся вода на мельнице. Один миг было ему это видение, но узрел он будто глядящие на него глаза... С того утра положил Илья на сердце своем — служить Богу»*.

Мотив благословения и молитвы в повести И. С. Шмелева естественным образом перекликается с былинными сказаниями об Илье Муромце. Родившись в крестьянской семье, Илья Муромец, будучи больным, тридцать лет сиднем сидел на печи. Его чудесным образом исцеляют *калики перехожие*, которые предрекают ему богатырские деяния, благословляя на подвиги во имя Русской земли. Герой «Неупиваемой Чаши» совершает не меньший по нравственной силе подвиг, написав исцеляющую икону. В православном понимании через икону высшая святость являет себя земному миру. Написанная крепостным художником икона Пречистой Богоматери с Золотой Чашей творит *чудо*, и к чуду исцеления: *«Призрела Пречистая скорби наши! Исцелился Мартын убогий, видела своими глазами!»* — причастен человек, выразивший своим талантом, данным ему от Бога, светоносную сущность Горнего мира. Рассказом об исцеляющей силе иконы Пресвятой Богородицы завершается повесть. По преданию, одна из первых икон была написана апостолом и евангелистом Лукой, и этим отчасти объясняются ангельские черты Ильи. На завершенность, итог пути героя указывает не его физическая кончина, а роспись церкви в Ляпуновке и монастырской стены, создание портрета Анастасии Ляпуновой и иконы Неупиваемая Чаша. Здесь есть сопряжение земного и небесного, личности и мира, человека и Бога. Момент смерти — перехода в иной мир, когда нужно держать ответ перед Господом за земные дела — важнейший во всей земной жизни человека.

В произведении нужно отметить мотив, отмечающий важнейшие моменты в повествовании — мотив *света*, проходящий через весь текст «Неупиваемой Чаши». Обратим внимание на эпизод окончания росписи церкви в Ляпуновке и создания иконы великомученицы Анастасии. Молодая женщина, пришедшая посмотреть на работу Ильи, слов-

но освещает своим присутствием окружающее пространство. Для Шмелева совершенно определена взаимосвязь *свет/свят*, она лежит в основе смысла этой сцены («Спросила она его, *осветив* глазами», «Увидел [...] *кроткие черты девственного лица, напомнившие ему его святую Цецилию*», «Сказала она и *осветила* глазами», «А она сказала, *опять сияя*», «Он, словно поднятый от земли, смотрел [...] на ее неопределимые глаза, льющие радостное, казалось ему, *сияние*», «Все здесь говорит сердцу...» — сказала она и *осветила* глазами», «Смотрел на то место, где стояла она, *светлая*»). Свет, в ореоле которого предстает Анастасия Ляпунова, — связующий мотив смыслового развития повествования, дает понимание дальнейших событий произведения. Очередной раз мотив *света* появляется в следующей главе «Неупиваемой Чаши», когда женщина, перед которой преклоняется Илья, приходит в его комнатенку. После ее ухода в комнате с почерневшими стенами с вылезавшей паклей остается сияние, сродни священному. Сияние это знаковое и указывает на символический характер появления Анастасии Ляпуновой в жизни крепостного художника: после этого Илья принимает решение расписать центральную стену в монастыре. Темнота в комнате, которую пронизывает свет — это важное обстоятельство: «Смотрел в *темноту ночи* — и видел ее, *светлую* госпожу свою. Менялось ее лицо, и смотрела из *темноты* великомученица, прекрасная Анастасия. И она менялась, и *светились* несбыточные глаза — *два солнца*. [...] *Всю ночь метался Илья по своей каморке* [...] *Спрашивал темноту-тоску*:

— Что же?!

Стало *светать*. [...] Проснулся — *только-только подымалось за прудами солнце*».

В этих описаниях лицо Анастасии Ляпуновой, наполненное светом, подобно иконе. И в других местах повести о ней говорится в связи с картиной или образом. *Свет* здесь синонимичен *чуду*, произошедшему по воле Спасителя. Напомним, что *Чудо Георгия о Змие и Девице* — полное церковно-славянское название иконы, характерные очертания которой в «Неупиваемой Чаше» играют важную роль. Икона Чудо Георгия о Змие и Деве представляет эпизод из жития святого. Около некоего языческого города находилось озеро, в котором жил огромный Змей. Жители города были вынуждены ежедневно, по жребию, отдавать Змею своих сыновей и дочерей. Однажды выбор пал на царскую дочь, и царю пришлось подчиниться. В то время, когда она стояла у озера и плакала, ожидая смерти, мимо проезжал святой Георгий. Увидев несчастную девицу, он вызвался ее спасти. Победив Змея, Георгий

велел царевне обвязать Змея поясом и вести за собой в город, где перед всем народом убил Змея мечом. Благодарные жители города приняли христианство*⁴.

В повести история Чуда Георгия о Змии и Девике преломляется в судьбе Анастасии Ляпуновой: *«На балу Санкт-Петербургского дворянства Августейший Монарх изволил остановиться против сей юной девицы, исполненной нежных прелестей. [...] А наутро прибыл к отцу ее, гвардии секунд-майору Павлу Афанасьевичу Вышатову, флигель-адъютанту и привез приглашение во дворец совокупно с дочерью Анастасией. О, сколь сия Монаршая милость горестно поразила главу фамилии благородной! Он же, гвардии секунд-майор Вышатов, прорывая горестную отныне участь юной девицы, единственного дитяти своего, и позор семейный, чего многие за позор не почитают, явил дерзостное послушание, в сих судьбах благопохвальное, и тот же час выехал с дочерью, в великом ото всех секрете, в дальнюю свою вотчину Вышата-Темное». Отец пытается спасти свою дочь от уготовленного ей печального жребия. Однако она, оставшись сиротой, не минует печальной участи: надеясь обрести в поручике Ляпунове защитника, выходит за него замуж и горько разочаровывается: «К весне услышал Илья, что родилась у барыни дочь, а барин другую неделю пропадает на охоте. [...] Узнал и еще Илья, будто застала барыня свою горничную Анюту с баринком в спальней». От барина Ляпунова его жена ждет **чуда спасения** от жестокого мира, однако, он не совершает подвигов, и более того — становится причиной смерти своей молодой жены.*

Еще до встречи со своей будущей супругой молодой барин отпускает Илью по его просьбе на обучение в монастырь: *«В китайский красный халат был одет барин, с золотыми головастыми змеями, и золотая мурмолка сияла на голове, как солнце. Так и сиял, как икона. [...] Выбрался Илья на прудовую дорожку и издалика упал на колени. Сказал:*

— Отпустите, барин, с отцом... поработать на монастырь!»

Одежда барина выглядит как деталь, но это — определенный признак **змеиного** облика. Сравнение его внешнего щегольства с иконой лишь подчеркивает несоответствие человека образу христианского святого. Позже барин приводит в дом свою любовницу цыганку, *«вертлявую, худущую, как оса, и злую»*, во внешности которой проскальзывают **змеиные** черты: *«Возами возили из города и сукна, и штоф, и парчу, и всякие наряды, а Зойка валялась по полу в лентах (словно*

змея, непрерывно меняющая кожу — Л. К.) и вызванивала на гитаре». Любовница барина пытается соблазнить Илью, и вновь поражает ее сходство со змеей: «А она притянула его за руку к себе и заворожила глазами-змеями». В молитве Страстям Господним укрепляется Илья, понимая, что послано ему искушение и нужно его преодолеть: «Тогда выбежала Зойка из-за ширмы, босая и обнаженная, ухватила Илью сзади за шею и потребовала иметь с ней грех. Но совладал Илья с искушением: схватил горящую головешку и ткнул ее в голую грудь блудницы. [...] Очнулся и видит: сидит он в своей каморке, на тюфяке, а на дворе ночь черная и шумит метельюга. Пришла старая Фефелиха и смеется:

— Змея-то наша спяну на головешку упала, ожглась».

Илья выступает в роли победителя, сокрушившего Змея, воплощающего в себе ложь, порок и зло. Это связано и с данным ему именем: одно из значений которого «крепость Господня». Напомним, что на иконе святой Георгий изображается прекрасным юношей, а об Илье в повести сказано, что «был он красивый юноша и нежный сердцем». Двойственность образа Ильи: талант, возвышающий его над простыми смертными, и искреннее смирение имеет аналогию с иконографическим обликом святого Георгия Победоносца: смиренный великомученик и грозный воин. Илья Шаронов стремится защитить любимую женщину от несправедливости и горя. Не имея возможности спасти ее в реальной жизни, он совершает чудо в доступном ему мире живописи, изображая святого Георгия, спасителя царской дочери от Змия.

Примечания

*¹ Ухтомский А. А. Матриалы из архива // Начала. — Москва. — 1993. — №3. — С. 67.

*² Текст повести «Неупиваемая Чаша» цитируется по изданию: Шмелев И. С. Сочинения: В 2 т. — Т. 1. — М., 1989. — С. 399–452.

*³ Булгаков С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. — Париж, 1953. — С. 158–165.

*⁴ Следует так же отметить сходный эпизод в сказании об Илье Муромце: по пути в Киев Илья освобождает от несметных полчищ Литовских жителей Кинешмы, и благодарные горожане, поклонявшиеся до этого языческим идолам, принимают христианскую веру (Илья Муромец. Сказка Руси богатырской. — Даль В. И. Собр. соч. — СПб., 1846. — Т. 1. — С. 44).